

Андрей Добролюбский

Перстень в «богровых» тонах

Опыт нумизматического литературоведения

«Большой человек – Григорий Исаакович! Шутка ли сказать – Григорий Исаакович! Ого, очень большой человек... казался чуть ли не посланцем Божьим».

Шолом-Алейхем. С ярмарки (жизнеописание)

Этот старинный серебряный перстень с монетой мне подарила моя близкая подруга Лариса Пикановская. Перстень классический, с круглой обоймой для вставки, стилистически, видимо, кавказской работы. Обойма представляет собой круглую, так на-

зываемую «правильную гайку», которая по периметру обрамлена прочеканенным ободком. По граням также имеется чеканка в виде пяти тонких поперечных линий. В «гайку» вставлена серебряная монета с изображением Христа на лицевой стороне.

Перстень хранился в семье покойного мужа Ларисы Сергея Тертерова и переходил как бы по наследству в течение нескольких поколений по мужской линии. По семейному преданию, изначально он принадлежал очень известному, даже знаменитому в позапрошлом веке еврейско-русскому писателю Григорию Исааковичу Богрову (1825-1885 гг.).

Лариса не знала, как и каким образом мог попасть такой перстень в семейство Тертеровых – сведения о предках Сергея очень туманны. Ей лишь известно, что они считали себя принадлежавшими к старинному и весьма уважаемому армянскому роду. И очень этим гордились. Действительно, имя «Тертер» истолковывается как «священнослужитель высокого сана». Впрочем, происхождение этой довольно распространенной фамилии может быть связано с эпонимными рекой (притоком Куры) и известным древним городом на этой реке. Ей также известно, что многие предки Сергея жили в Тбилиси, а потом частично попали в Россию, на Украину и, разумеется, в Израиль, Америку, Австралию и пр. По воспоминаниям Ларисы о рассказах ее мужа, многие Тертеровы (Тертерьяны)* издавна роднились с евреями. В Одессе Тертеровы (Тертерьяны) постоянно жили в известном доме Либмана на Соборной площади. Однако о какой-либо связи с семейством Богрова ей ничего не было известно. Поэтому оставалось непонятным, как мог этот перстень от Богрова попасть в семью Тертеровых. Это, конечно же, хотелось выяснить.

Не более понятным было и то, почему знаменитый еврейский писатель мог и желал носить перстень со столь выраженной христианской символикой. Ключ к ответу, очевидно, таится где-то в биографии самого Богрова. Там его и надлежит искать. Но прежде следует попытаться точно атрибутировать перстень и монету.

* В советские времена многие Тертеровы (как и носители иных армянских фамилий на -ов) изменяли окончание своих фамилий на -ян, дабы скрыть свое высокородное происхождение. «Тер» – титул армянской аристократии, аналог английского лорда, «тертер» – высшая духовная аристократия.

Начнем с описания. Как и перстень, монета производит достаточно старинное, чтобы не сказать древнее впечатление и, судя по стертости, находилась в обращении достаточно долго. Ее вес – около 2 г, диаметр 17-18 мм. На лицевой стороне, аверсе, – погрудное изображение Христа. Голова Спасителя окружена нимбом, справа надпись *IC*, евангелие украшено пятью крупными медальонами. Такое изображение в разных иконографических типах довольно характерно для монет многих византийских императоров XI-XIII вв., начиная с Иоанна Цимисхия, а также различных штемпелей и эмиссий этого времени. Изображение окружено линейным ободком, гурт потерт и неровен, ободок обрамляют следы какой-то стертой круговой надписи.

Довольно неожиданной оказалась иконография штемпеля на оборотной стороне. После нескольких импульсивных поисковых экскурсов в туманные области кавказской палеографии выяснилось, что центральная часть легенды выполнена грузинским шрифтом асомтаврули.**
ᲘᲗᲗᲗ = ᲘᲗᲗᲗᲗᲗᲗ – однозначно означает имя: «Русудан».

Аверс монеты

Реверс монеты Русудан

** Приношу глубокую благодарность Игорю Зигману и Сергею Маевскому за большую помощь в атрибутировании монеты. *Асомтаврули* означает «заглавный», «округлый», «церковный».

Время правления царицы Русудан изучено историками-специалистами достаточно обстоятельно. Все же не сочтем излишним дать здесь краткое описание ее царствования для читателя, не слишком осведомленного, возможно, в деталях и перипетиях средневековой истории Грузии.

Русудан из рода Багратиони (груз. ბაგრატიონი, ок. 1194-1245 гг.) – царица Грузии, была дочерью самой царицы Тамары и осетинского царя Давида-Сослана. Она оказалась у власти в 1223 году после неожиданной смерти своего брата Георгия IV. Сначала она «регентствовала» от имени малолетнего Давида, сына Лаши. Но грузинская знать вскоре провозгласила ее царицей.

В самом начале правления Русудан Грузинское царство было единым. Его самым сильным юго-западным соседом тогда был Конийский, или Румский султанат малоазийских сельджуков, который наибольшего расцвета достиг при султанине Ала-эддине Кей-Кубаде I (1219-1236 гг.). Поэтому естественно, что стремясь укрепить свое положение, в 1224 году Русудан выходит замуж за сельджукского принца Моизз-эддина Тогрул-шаха, который, к тому же, принял христианство под именем Дмитрий. У них родились дочь Тамара, которая со временем была выдана замуж за Гиас-эддина Кайхосру II, следующего султана Рума, и сын Давид (позже Давид VI Нарин). Такая династическая политика должна была, по идее, способствовать укреплению Грузии.

Но все получилось «с точностью до наоборот». Потому что почти сразу же после замужества Русудан на Восточную Грузию напал Джелаль-эддин Мангуберта, сын последнего хорезмшаха. Как известно, обширное Государство Хорезмшахов, занимавшее закаспийские страны и часть Персии, после 1219 года было уничтожено монголами. Однако Джелаль-эддин сумел спастись и собрать огромную армию. Сначала он овладел Западной Персией и Азербайджаном, а затем напал на армянские провинции Грузии. В 1225 году Джелаль-эддин предложил Русудан выйти за него замуж и потребовал признать его царем Грузии. Получив гневный и гордый отказ, он обозлился, вторгся в Грузию и в битве при Гарниси наголову разбил грузинские войска под предводительством Иоанна Мхаргдзели. Затем хорезмийцы взяли Карс, Гянджу и осадили Тбилиси. Русудан со своим двором пришлось

бежать в Кутаиси. В марте 1226 года Тбилиси был взят и полностью разграблен. Затем Джелаль-эддин около двух лет успешно и с немалым воодушевлением разорял восточную и южную части Грузии. В 1228 году он покинул Тбилиси, оставив в нем небольшой гарнизон. Воспользовавшись этим, Русудан возвращает себе столицу, но в следующем, 1229 году, ее войска снова изгоняются вернувшимся Джелаль-эдином. А уже в 1230 году он сам наконец был разбит румским султаном Ала-эдином Кай-Кубадой и союзными с ним эмирами. Теснимый монголами, уже захватившими Азербайджан, Джелаль-эддин бежал в Курдистан, где и был убит в 1231 году. Грузинская армия достаточно быстро очистила страну от разрозненных отрядов его солдат и снова вернула себе Тбилиси. А сама Русудан все это время жила в Имеретии.

После смерти Джелаль-эдина в Грузии на несколько лет наступило относительное спокойствие. Русудан воспользовалась этим временем, чтобы короновать своего сына Давида VI Нарина. Законного же претендента, Давида, сына Лаши, который был ею ранее отстранен от власти, царица отослала к своему зятю, румскому султану Гиас-эддину Кайхосру (мужу своей дочери Тамары). Там он, естественно, по просьбе царицы, содержался под стражей, откуда был вызволен лишь монголами. В 1236 году в третий и последний раз монголы вторглись в Закавказье. Разоренная и изнуренная Джелаль-эдином Грузия уже не могла сопротивляться. К 1240 году вся страна была занята монголами. В 1242 году Русудан, находясь в Кутаиси, подписала с монголами униженный мир, по которому признала свое царство вассалом хана и обязалась платить ему дань.

В общем, правление Русудан оказалось крайне беспокойным, сумбурным и тревожным. Это было настоящее «смутное время». После покорения всей Грузии монголы отстраняют ее от управления царством и заставляют выдать им своего сына Давида VI Нарина, который и был отослан ко двору хана. Он вернулся в Грузию только после смерти Русудан. Францисканский монах и путешественник Плано Карпини его видел там в конце 1246 года. Монголы поддерживали как его, так и другого претендента на трон, незаконнорожденного сына Георгия IV, позже известного под именем Давида VII Улу.

Около 1247 года царица умирает. По тогдашним слухам при сельджукском дворе, она отравилась от безысходного отчаяния

Сходным образом воспроизводится и скромная надпись, обрамляющая внешний круговой ободок на оборотной стороне монеты. Это – арабская легенда в четыре строки, которая гласит:

الملكة الملوك و الملكات
جلال الدنيا و الدولة و الدين
روسدان بنت تمار ظهير المسيح
اعز الله انصاره

Что переводится: «Царица царей и цариц, величие мира, царства и религии, Русудан, дочь Тамары, поклонница Мессии, да возвельчит Бог победы Его!».

Итак, наша монета четко датируется первой половиной 1230-х гг. Ясно, что она была вправлена в серебряный перстень, точная датировка которого затруднительна. Скорее всего, он был изготовлен значительно позднее, чем монета, но насколько – неясно. Как бы там ни было, думается, что перстень оказался у Богрова в том виде, в каком мы видим его сегодня. Но как, почему и при каких обстоятельствах он стал его владельцем?

О писателе Григории Исааковиче Богрове (Гирш бен Исаак Бехарав, евр. גירש) автор этих строк ранее, до обретения в подарок перстня, почти ничего толком не знал. И мало что слышал. И, к стыду своему, книжек его не читал. Но, как выяснилось, его не читало едва ли не все мое весьма обильно и профессионально начитанное культурное окружение. Многие порой его путают с советскими писателями Сергеем или Кириллом Багровыми и даже с персонажем известной повести Сергея Аксакова «Детские годы Багрова-внука». Это вовсе неудивительно – книги Г.И. Богрова в советское время никогда и нигде не переиздавались и совершенно не были доступны широкому читателю. Их знали только специалисты.

Между тем сведения о Богрове имеются едва ли не во всех известных литературных словарях и энциклопедиях****. Разумеется, можно отослать к ним читателя, но, думается, для нужд этого

**** Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Энциклопедический словарь. – С.-Пб: Брокгауз-Эфрон, 1890-1907); С. Венгеров. «Критико-биографич. Словарь», V, 6-7 (1897);

очерка краткая биобиблиографическая справка и литературный портрет не покажутся неуместными. Гирш Бехарав родился в Полтаве в 1825 году в бедной и крайне ортодоксальной еврейской семье, которая дала ему строгое талмудическое образование: учился в хедере по обычной практиковавшейся в этих школах системе (заучивание наизусть текста священного писания, сопровождающееся схоластическими комментариями Талмуда). Как считают биографы, генеалогия его рода прослеживается с XIV века. Предками Гирша были уважаемые раввины, талмудисты и философы, жившие в Майнце и Падуе. Его отец также был известным раввином. Втайне от родителей маленький Гирш стал изучать русскую грамоту, светские науки и европейские языки – французский и немецкий, а также музыку (прекрасно играл на скрипке). Книги он прятал в чулане и на чердаке. Семья постоянно жила на грани нищеты. В 17 лет Гирш был вынужден жениться по еврейским обычаям того времени. От этого брака у него было несколько детей. В конце концов с женой ему удалось развестись, хотя это было очень непросто. Вплоть до 1860-х гг. служил по откупу и другим коммерческим предприятиям, что дало ему богатейший запас жизненных наблюдений. Ему удалось разбогатеть. В 40-летнем возрасте Богров написал первую часть своих автобиографических «Записок еврея», где детальнейшим образом описываются реалии быта и нравов русского еврейства 30-60-х годов XIX века.

В Петербург Богров попадает, уже будучи богатым человеком. Его рукопись после некоторых скитаний по петербургским редакциям попала в руки самого Н.А. Некрасова. И очень ему понравилась (хотя, как будто, он был известен своими антисемитскими настроениями). А также и М.Е. Салтыкову-Щедрину. Возбужденный таким успехом, Богров усиленно занялся окончанием «Записок...», которые появились в «Отечественных записках» в 1871-1873 гг. и обратили на себя весьма благожелательное внимание читающей публики. Отдельным изданием «Записки...» снова вышли в 1874 году, а в 1880 году были переведены на немецкий язык («Memoiren eines Juden»).

М. Лазарев. «Литературная летопись». «Восход», 1885, кн. VI; М.Г. Коган, Me'ereb ad areb, I, 69, 71, 75, 80, 85, 181-184; II, 123-40. С. Цинберг. {Евр. энц.}

И действительно, «Записки еврея» производят очень сильное впечатление. Вчитываясь в текст, невольно попадаешь под обаяние искренности, откровенности и незаурядного литературного таланта автора. Книга читается почти на одном дыхании, хотя ее событийная канва не слишком динамична. Это – несколько ошарашивающая, обстоятельная и живописная картина внутренней, семейной и общинной жизни, а также и панорама социального и экономического уклада русского еврейства. Это и мрачные, убогие, консервативно-безысходные быт, нравы, обычаи и повадки жителей еврейских местечек, вязкий и всепроникающий прессинг еврейской ортодоксии – вся эта «правда жизни» может вызвать острое ее неприятие. И отталкивать многих. Автор мастерски описывает безрадостную жизнь своих соплеменников, отделенных от прочего населения страны жестоким бесправием и религиозными предрассудками. Такая обстановка была настолько затягивающей, что вырваться из нее казалось совершенно невозможным. Да мало кто и пытался. Богров здесь оказался довольно редким исключением. Очевидны его глубокое знание быта своей среды и тонкая наблюдательность.

Иными словами, «Записки еврея» открыли русскому читателю совершенно незнаемый жизненный мир. А еврейскому читателю Богров на своем примере как бы указывал возможность и давал надежду вырваться из трясины невежества, отчужденности от всего нееврейского, из мрака фанатизма. Потому и неудивителен успех его книги в той русскоязычной (и европейской) культурной среде, для которой жизнь в черте оседлости была совершенно неведома. И, как гласят академические словари, в ряду русско-еврейских бытописателей Богров занимает одно из первых мест. Хотя с еврейской стороны это вызывало нападки за выставление напоказ многих неприглядных сторон быта и нравов.

Переехав в Петербург, Богров почти полностью посвящает себя литературе. Он пишет быль «Пойманник» (1873 г.) как некое дополнение к своим «Запискам...», а также издает исторический роман из эпохи хмельнитчины «Еврейский манускрипт. Перед драмой» (1876 г.). Как литератор Богров в последние годы своей жизни сотрудничал в журнале «Слово» (1878) и принимал близкое участие в основанном в 1879 г. журнале «Русский еврей»,

а затем перешел в журнал «Рассвет»*, где поместил роман из жизни еврейской интеллигенции «Накипь века» (1879-1881; не был закончен) и рассказы: «Проклятый», «Добрые вести», «Перст Божий», «Вампир», «Кого винить?», «Ортодокс» и «Книжница». А в последние годы жизни Григорий Исаакович сотрудничал в журнале «Восход», где издал повести «Былое» и «Мариама» (из эпохи гайдаматыны), а также «Мери» в 1883 году, и в 1884 году свою последнюю повесть «Маньяк (Небывалый случай из жизни молодого психиатра)». Ко времени своей кончины Богров стал очень известным и популярным писателем, который молодому Шолому Рабиновичу, будущему Шолом-Алейхему, казался «чуть ли не посланцем Божиим».

Мы видим, что Богров к концу своей жизни стал яркой, колоритной и самобытной фигурой, «звездой» на литературном небосклоне Петербурга и всей страны. Он, несомненно, выделялся своей незаурядной, в чем-то даже изысканной образованностью, редкостным талантом и писательским мастерством. Можно видеть и то, что полученное Богровым широкое русско-европейское общекультурное образование и критическое отношение к ортодоксальному иудаизму сформировало его как совершенно убежденного космополита. «Я в обширном смысле слова, – писал Богров Л.О. Леванде в 1878 году, – *эмансипированный космополит*». Действительно, ни в «Записках...», ни в других произведениях, нет и намек на идиллическое изображение старого еврейского быта, что свойственно почти всей позднейшей еврейской беллетристике. «Если бы евреи в России не подвергались таким гонениям и систематическому преследованию, – продолжает Богров, – я бы, быть может, переправился на тот берег, где мне улыбаются другие симпатии, другие идеалы. Но мои братья по нации, вообще четыре миллиона людей, страдают безвинно; ужели порядоч-

* «Рассвет» («Орган российских евреев»), в годы жизни Г.И. Богрова – еженедельник, издававшийся в Одессе (1860-1861, 1879-1883 гг.), – первое еврейское национальное периодическое издание на русском языке. Его редакторами были О. Рабинович и И. Тарнополь. Журнал призывал к еврейскому патриотизму, развитию еврейской культуры и литературы, изучению еврейской истории, духовного и социального положения российского еврейства. Однако два других еврейских журнала, выходивших в Санкт-Петербурге, «Русский еврей» (1879-1884) и «Восход» (1881-1906), выступили с резкой критикой курса «Рассвета».

ный человек может махнуть рукой на такую неправду?»** Богров убежден, что духовное возрождение народа и его радикальное перевоспитание мыслимы только при превращении традиционной религии в рационалистическо-моральное учение.

В сущности, здесь писатель сжато и более чем ясно формулирует свое жизненное кредо. Тогда становится очевидным, что именно в *системе ценностей* Богрова, его вкусах, образе жизни и убеждениях следует искать ответ на вопрос, почему и каким образом мог попасть к нему описанный перстень. Рискнем сделать здесь такую попытку.

Если попытаться взглядеться в перстень и монету «семиотическими» глазами, то кажется несомненной его выраженная знаковая *космополитичность*. Так, на аверсе монеты погрудное изображение Христа обрамлено надписью в шрифте гражданского письма мхедрули («рыцарское», то есть не церковное). Появление этого шрифта в IX-X веках связано с тем, что тесные культурные связи с арабском и персидском миром, которые были в ту эпоху безусловными культурными и политическими лидерами и на Ближнем Востоке, и в Европе, оказали значительное и всестороннее влияние на грузинский язык. С социальной точки зрения, появление этого шрифта означает, что светским грузинам, в отличие от лиц духовного сословия, приходилось в повседневности писать по-арабски.

Не менее космополитичен и реверс. Имя «Русудан», которое выполнено очень древним традиционным «парадным» шрифтом асомтаврули, обрамляет арабская легенда. Это также является своеобразным ментальным отражением интенсивных контактов военной, ремесленной и торговой части грузинского общества с окружавшими тогда христианскую Грузию арабскими и персидскими странами.

Тогда остается посмотреть на монету «герменевтическими» глазами. И становится понятным, что символика монеты полностью соответствует *космополитическим убеждениям Богрова, его жизненному кредо. Значит, этот перстень был ему очень дорог.*

«Пути» перстня к Богрову нам, конечно же, неизвестны. В «Записках еврея» последовательно и обстоятельно освещаются все

** «Еврейская библиотека», том X, 13-20 (письма Богрова к Л.О. Леванде).

основные и значимые события и жизненные перипетии автора с момента его рождения до начала 1870-х гг. – то есть когда это самое кредо сформировалось. К этому времени Богров уже был человеком со сложившимися убеждениями. Поэтому можно было бы уповать, что обретение столь «лично-знакового» талисмана окажется отмеченным в тексте. Однако эти надежды оказались зряшными – ни одного подобного упоминания, ни даже малейшего намека. Хотя свою склонность к приобретению старинных вещей (серебряные подсвечники, часы, дорогое оружие и пр.) автор не скрывает. Поэтому позволю себе предположить несколько возможных вариантов.

Разумеется, за время своей многолетней работы по откупу Богров мог приобрести такой перстень – известно, что подобная деятельность дает широкие возможности для злоупотребления «служебным положением» просто «по определению». Однако на Богрова это не похоже – судя по «Запискам...», он производит впечатление честного и искреннего человека. Да и контроль над служащими в системе откупа был весьма жестким и пристальным. Риск потерять работу и репутацию очень велик. Богров сделал карьеру исключительно благодаря своему трудолюбию, добросовестности и таланту – он предложил некую «итальянскую» бухгалтерскую систему расчетов, которая позволила его принципалу сказочно разбогатеть. Вместе с хозяином стал богатым и сам Григорий Исаакович.

Другое дело, если это подарок. В главе «Медвежья услуга судьбы» повествуется, что когда Богров служил «кассиром и счетчиком в мелком откупишке», к нему пришел отставной кавалерийский офицер Николай Игнатьевич Пржинский с просьбой об устройстве на работу. Григорий Исаакович его снабдил деньгами, сделал все возможное, устроил писцом, и они очень подружились. Пржинский в своих письмах к жене называл его не иначе как «друг, покровитель, благодетель». Он был польским шляхтичем и держался соответственно – честен, горд, надменен, амбициозен, холоден, корректен, благороден. Настоящий рыцарь. Работником он оказался превосходным. Хотя периодически загульным. До отставки он воевал на Кавказе вместе со своим боевым другом. Его друг, он же брат его будущей жены, погиб. К нему на Кавказ

приехала сестра, там познакомилась с Пржинским, они полюбили друг друга и поженились. Из-за нее, а также очередного пьяного скандала, Пржинский вынужден был подать в отставку. Это были 1860-е годы, когда десятилетние войны России на Кавказе уже приближались к концу.

Известно также, что именно во времена службы Пржинского Грузия была вынуждена выкупать своих пленных, среди которых были представители знатных грузинских родов. Так, княгини Чавчавадзе и Орбелиани были обменяны на сына Шамиля, Джамалутдина, вернувшегося из Петербурга, где он служил поручиком в гвардейском уланском полку. За остальных пленников также выплачивался немалый выкуп. После этого в Грузии наступил кризис денежной наличности, а в Чечне и Дагестане серебряная монета, наоборот, обесценилась. Это обстоятельство может косвенно объяснять, как в руках у Пржинского мог оказаться старинный серебряный перстень с монетой.

После очередного дебоша Богров выкупил Пржинского у полиции, и тот исчез. Более они никогда не виделись. Но... неожиданно появляется жена Пржинского, которая разыскивает своего мужа. Между ней и Богровым вспыхивает роман. Она, как выясняется, оказывается той самой Оленькой, в которую Богров был влюблен в детстве. Оказалось, что именно она тогда познакомила своего маленького еврейского друга с русским языком и пыталась «русифицировать» его. И сменила ему еврейское имя Сруль, уменьшительное от Исраэль, на русское имя Гриша. Эта любовь сопровождала Сруля-Гришу всю его жизнь. В результате Оленька, увы, умирает у него на руках от застарелой чахотки.

Избавлю читателя от душеспитательных подробностей этой романтической истории. Любог желаящий может обратиться за ними к тексту «Записок...». Этот сюжет здесь приводится лишь потому, что если у Пржинского или у Оленьки имелся «кавказский» перстень, то любой из них мог подарить его своему самому лучшему и любимому другу.

Такая версия допустима, хотя имеются и другие, не менее вероятные варианты. Так, с середины 1860-х гг. Богров часто бывает в Петербурге, а после издания «Записок еврея» в начале 1870-х годов селится в нем почти до конца жизни. К этому времени

он становится крупным банкиром и при широте своих культурных интересов, положении и возможностях мог быть вхож в самые высокие культурные круги Петербурга второй половины XIX века. И общаться со множеством компетентных специалистов, знатоков и коллекционеров. Значит, он вполне мог получать соответствующие консультации. И знать наверняка, что за монета в его перстне. К тому времени уже давно имелся в культурном обиходе каталог монет Грузии В. Лаглуа «*Essai de classification des suites monetaires de la Georgie etc.*», вышедший двумя изданиями в 1852 и 1860 годах.

Среди специалистов-нумизматов был наиболее известен князь Михаил Петрович Баратаев, археолог и нумизмат. Будучи управляющим таможенным округом в Грузии, он провел на Кавказе четыре года. Там собрал уникальную богатейшую коллекцию грузинских монет и, выйдя в отставку, издал в 1844 году ее описание на русском, французском и грузинском языках под заглавием «Нумизматические факты грузинского царства».

Ничуть не меньшим знатоком и возможным знакомцем Григория Исааковича был генерал Иван Алексеевич Бартоломей, тоже археолог и нумизмат, который в 1859 году издал «*Lettres numismatiques et archéologiques, relat. à la Transcaucasie*». С И.А. Бартоломеем Богров вполне мог общаться – периоды их жизни в Петербурге совпадают.

Все эти знатоки и книги были, несомненно, доступны Богрову. Не исключено, что он мог быть знаком и с самим Генрихом Шлиманом, тогда директором Императорского государственного банка в Санкт-Петербурге. Их могли связывать не только деловые и коммерческие, но и общекультурные интересы к древней истории Грузии. Так, известно, что Шлиман в 1868 году обращался в Российскую императорскую Археологическую комиссию с просьбой дозволить ему произвести археологические раскопки на Кавказе для изучения «тесной связи старинной Греции и древней Колхиды»*.

Сказанное означает, что в свою бытность в Петербурге Богров мог запросто приобрести такой перстень. Купить или даже выиграть в карты. Ведь «Любит картишки Григорий Исаакович,

* Ванденберг Ф. Золото Шлимана. – Смоленск: Русич, 1996.

ох, любит!.. – вспоминает его банковский сослуживец. – То есть он не картежник, но любит перекинуться в картишки, в преферансик сыграть... Почему бы и нет? Ох, этот преферансик!..»**.

Впрочем, не исключена еще одна версия – перстень был подарен Богрову последней женой, г-жой Козополянкой, которая тоже была вдовой польского офицера, воевавшего на Кавказе. Поскольку известно, что для получения возможности официально жениться Богров был вынужден креститься, что он и сделал за несколько месяцев до своей кончины. Для него это было лишь формальностью. Однако эта «формальность» лишний раз подчеркнула его «эмансипированный космополитизм» и отказ от традиционных еврейских культурных ценностей.

Итак, какая из приведенных версий верна – сказать невозможно. Все они как бы равновероятны. Но в любом случае ясно – стремление Богрова иметь такой перстень вполне согласуется с его космополитическими убеждениями, интересами, настроениями и кругом общения. Между тем, с точки зрения еврейской традиции, он стал «выкрестом». Этого крещения ему не захотели простить впоследствии его коллеги по русско-еврейскому «литературному цеху».

Штрихи к портрету писателя в зрелости. Но дело было, очевидно, не только в крещении. Твердая и последовательная «космополитическая» позиция Богрова, неприятие им идей «палестинофильства» приводили к нарастанию разногласий и конфликтов по «национальному вопросу», прежде всего, с редакцией журнала «Рассвет». В 1882 году он выходит из состава редакции и сближается с образовавшимся в 1880 году в Елисаветграде «Духовно-библейским братством»***, против которого «Рассвет» решительно выступал.

Видимо, здесь не слишком уместно вникать в детали литературоведческой полемики и позиций разных кругов еврейской интеллигенции по национальному вопросу. Достаточно отослать

** Шолом-Алейхем. С ярмарки (Жизнеописание). – Собрание сочинений, т. 3. – М.: Художественная литература, 1960, с. 128.

*** Духовно-библейское братство – религиозно-социальная секта, возникшая среди еврейской интеллигенции на Юге России в 1880 г. под влиянием народных идеалов с одной стороны, и рационалистических христианских сект – с другой. Основатель Я.М. Гордин.

заинтересованного читателя к соответствующей литературе*. Стоит лишь заметить, что литературоведение, как, впрочем, любое «ведение», почти всегда предвзято и неизбежно пристрастно. По определению.

Разумеется, отступничество Богрова от традиционных еврейских ценностей, воспринимаемое как ренегатство, не могло не эпатировать тогдашнюю еврейскую литературную среду. Еще более ее должен был раздражать несомненный писательский успех и популярность писателя. Равным образом ему вряд ли могли простить его богатство, связанную с этим духовную независимость и как следствие – самостоятельные издательские возможности.

Такое отношение отразилось даже на внешних не слишком доброжелательных описаниях Григория Исааковича младшими «собратьями по цеху». «Богрова мы застали в большом и светлом кабинете окнами на Невский, – вспоминает известный впоследствии поэт С.Г. Фруг. – Из-за письменного стола поднялся господин, которому на первый взгляд можно было дать никак не более 38-40 лет (а было тогда Богрову под шестьдесят). Хорошего роста, осанистый, благообразный, он производил какое-то странное впечатление: не стройность, а прямизна, жесткая, напряженная; и черные круглые баки слишком черны, и зубы слишком белы и крепки; и этот ровный и густой загар с легким, слишком «молодым» румянцем, и выпуклая манишка на выпуклой, по-видимому, груди – все это казалось непрочным, случайным, досадливо ненужным... Чем состоял Богров в банке – не могу сказать, но оклад, мне говорили, он получал весьма изрядный. Сидел он в этом комфортабельном кабинете и писал свой роман «Накипь века», в котором он пытался изобразить жизнь «молодого поколения». И творил он эту жизнь по методу кустарей...: и глаза, и уши, и языки, и принципы – всё отдельно, всё поштучно, пристрастно и фальшиво, как и все тенденциозное в любой сфере творчества».

Другое описание внешности Богрова того времени дано известным также впоследствии, еврейским историком Шимоном (Семеном) Дубновым в его автобиографии. «В одно декабрьское

* Напр.: Русско-еврейская литература // КЕЭ, т. 7, с. 525-552; Львов-Рогачевский В.Л. Русско-еврейская литература. – М., 1922 (Лит. энци.).

утро 1882 г. я поднялся по широкой лестнице дома Учетного банка на Невском проспекте, где Богров занимал какую-то sineкуру по милости своего друга Абрама Зака, директора банка. В отдаленной комнате верхнего этажа встретил меня высокий бритый господин с черными волосами на голове, не гармонировавшими с его старческим лицом и дрожащими пальцами (после мне сказали, что ему было тогда больше семидесяти лет, и он красил волосы, чтобы казаться моложавым рядом с своей молодой женой, русской дамой).

Видимо, этой дамой и была та самая г-жа Козополянская, ради формальной женитьбы на которой Богров считал нужным креститься незадолго до своей кончины в ее имении в селе Деревки. Как уже упоминалось.

Ясно, что такое отношение к Богрову не могло способствовать его посмертной литературной славе. И писателя стали постепенно забывать.

Нам остается попытаться проследить пути *«перстня Русудан» от Богрова в Одессу*. Прежде всего, обратимся к его самым вероятным наследникам.

Логично предположить, что перстень был унаследован кем-то из детей. Более всего сведений имеется о старшем сыне от первого брака Григории (Герше) Григорьевиче, который «оставался в иудейской вере» и по материнской линии получил основную часть наследства отца. Он жил в Киеве и был влиятельным присяжным поверенным с миллионным состоянием (мог одновременно пожертвовать на больницу 85 тысяч), владелец многоэтажного доходного дома на Бибиковском бульваре (ныне – бульвар Шевченко), второго от угла Крещатика. Он был одним из видных коренных членов киевского дворянского клуба, председатель старшин клуба «Конкордия», известен как чрезвычайно удачливый игрок, в его доме за карточным столом сходились знатные киевляне. В общем, довольно известный человек.

Но куда более известным человеком стал его сын Дмитрий, который «прославился» на всю страну, если не на весь мир, убийством премьер-министра Российской империи П.А. Столыпина в киевском театре в сентябре 1811 года. В этой ужасной истории нас здесь интересуют лишь те последствия, которые она имела

для семьи Богровых. Как и для посмертной репутации некогда знаменитого писателя, так и для его сыновей и внуков.

О том, как была сражена чудовищным поступком Дмитрия вся семья Богровых, можно судить по книге его брата Владимира «Дмитрий Богров и убийство Столыпина, разоблачение «действительных и мнимых тайн», изданной в Берлине в начале 1920-х гг. в издательстве «Стрела». В ней брат убийцы пытается доказать, что Дмитрий Богров был «особым» «анархистом-разлагателем», а не просто убийцей. Есть также мнение, что убийство Столыпина было мстью за еврейские погромы. И хотя вряд ли семья Богровых готовила Дмитрию роль убийцы, в сущности, она была опозорена. «Отряд жандармов ворвался в ночь после покушения на Столыпина в дом отца, – пишет Владимир. – На заявление родственницы Дмитрия Богрова, что родители его, находившиеся тогда за границей, будут страшно потрясены известием о случившемся, начальник отряда заявил следующее:

– Дмитрий Богров потряс всю Россию, а вы говорите о потрясении его родителей».

На посмертное реноме писателя эта история, конечно же, повлияла. Дошло до того, что его самого обвинили в причастности к убийству Столыпина. Хотя он скончался за два года до рождения внука Дмитрия. «Искания знаменитого писателя закончились... гражданским актом – он отказался от веры отцов, перешел в христианство и, переменив фамилию, стал Богровым Григорием Исааковичем... Но, быть может, поступок деда косвенно предопределил судьбу внука? – пишет Шимон Маркиш. – ...Дед Дмитрия Богрова отличался тем, что в каждом новом своем произведении все более и более отрекался от еврейства – в первых романах он выступал против традиционного иудаизма, затем проповедовал модный в то время эмансипированный космополитизм и осуждение палестинофильских (сионистских) идей... Порывать со своим народом всегда нелегко, человек вынужден себя как-то идентифицировать, и если он отказывается от собственного еврейства, то, увы, часто становится его врагом, а если он отвергает традиции предков, то вынужден изобретать новые – от космополитизма до анархии. Эта соблазнительная идея о том, что все можно построить заново, до основания раз-

рушив все предыдущее, собрала в мировой истории свою достаточно кровавую жатву»*.

Впрочем, особого значения для судеб «перстня Русудан» эти «тайны» и «мнения», видимо, не имели. Потому что, как выясняется, этот перстень не достался старшему сыну Григорию. А стало быть, и никому из «киевских» внуков. Ибо старший, Владимир, впоследствии уехал в Германию, а младший, Дмитрий, был казнен в 1911 году. Получается, что перстня ни у кого из них не было, и его киевский след никак не улавливается.

Зато неплохо улавливается одесский след, по младшим сыновьям писателя, которые жили в Одессе и были очень известными в городе людьми**. Так, *Богров Александр Григорьевич* (1855-1912) известен как «старейший одесский врач». С 1892 года он работал ординатором психиатрического отделения Одесской городской больницы, был доктором медицины**** и специалистом по нервным и душевным болезням. Имел частную практику. Его приемная в 1907 г. располагалась по ул. Херсонской, 23.

Младший сын *Богров Карл Григорьевич* – также был врачом и специалистом-отоларингологом. Он работал с 1892 года в Одесской лечебнице для приходящих больных и, по сведениям на 1907 г., принимал этих больных по ул. Елисаветинской, 23.

Итак, мы видим, что Григорий Исаакович завещал своему старшему сыну Григорию большую часть своего состояния, а младшим обеспечил медицинское образование в Одессе. Рискну предположить, что более всего он на склоне лет был близок именно с Александром – врачом-психиатром. Это может объяснять написание им под влиянием общения с сыном своей последней повести «Маньяк (Небывалый случай из жизни молодого психиатра)» (1884), где Богров пишет о химеричности идей палестинофильства.

* Маркиш Шимон. Третий отец-основатель, или «К чужим кострам» // Иерусалимский журнал. № 6, 2000.

** Хочу выразить особую благодарность Александру Розенбойму за сведения об одесских детях и внуках Г.И. Богрова.

*** Диссертация «К вопросу о физиологическом значении щитовидной железы и о роли ее в патологии и терапии базедовой болезни»: дис. ... д-ра мед. / А.Г. Богров. – СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1895. – 101 с.: ил. – (Серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Императорской военно-медицинской академии в 1894-1895 учебном году; № 35).

Поэтому перстень отца достался как раз «доктору Александру Григорьевичу Богрову, родному дяде Д. Богрова, покушавшегося на жизнь премьер-министра», который был «жандармской полицией после обыска арестован... Он содержал лечебницу нервных больных, старожил в Одессе, и пользовался широкой популярностью среди врачей». Там же сообщается, что «Богров Мордко Гершкович (Дмитрий Григорьевич; 1887, Киев, – 1911, там же), террорист-анархист, агент Охранного отделения, сын состоятельного адвоката, внук писателя Г. Богрова»*. Известно также, что тот позор, который навлек на свое семейство его племянник, подкосил Александра Григорьевича, и он вскорости скончался.

В связи с этим любопытно вот какое хронологическое совпадение. Через год после казни Дмитрия в Одессе было впервые издано полное собрание сочинений Г.И. Богрова (после смерти в 1885 г. Богров ни разу не переиздавался)** . Естественно полагать, что это издание было осуществлено на деньги младшего сына Карла, который пытался хоть таким образом реабилитировать репутацию семьи и своего знаменитого отца, которая была безнадежно испорчена.

Как бы там ни было, можно смело предполагать, что после смерти Александра Григорьевича наш перстень достался его брату Карлу, а затем, скорее всего, его сыну Федору Карловичу, который был адвокатом, музыкантом и писателем. О нем известно, что он родился 6 апреля 1883 г. в Одессе, учился в Санкт-Петербургском университете и Санкт-Петербургской же консерватории, потом окончил Новороссийский университет в Одессе. В 1915 году выпустил книгу рассказов «Мгновенья». Работал в управлении Красного Креста. В 1921 эмигрировал через Чехословакию в Париж, где работал музыкантом в синемаатографе, а также занимался адвокатской практикой.

Мы попытались проследить наиболее вероятный путь перстня от Богрова-деда до «Богрова-внука», до младшего сына Карла Григорьевича – Федора Карловича. Далее путь перстня теряется.

* «Новое время», 7 (20) сентября 1911. Одесса.

** Богров Г.И. Собрание сочинений. В 7 т. – Одесса: типография «Издатель» Я.Х. Шермана, 1912-1913 (Шерман Яков Хаимович (Гирш-Янкель Хаимович) (1855 - ?) – типография «Издатель», книжный магазин – Ришельевская, 28, (1897), Еврейская, 19, (1903), Ришельевская, 17, (1916) – дом Бабея).

Ясно лишь, что он попадает с семьей Тертеровых, которые тогда жили в доме Либмана. Но как – неизвестно. Хотя это можно легко воссоздать при учете общей обстановки в Одессе.

Известно, что в «окаянные дни» большинство населения Одессы, мягко сказать, не благоденствовало. Все пытались выжить, кто как мог. И если Федор Карлович решился на эмиграцию, то естественно, что он стремился продать все, что у него было сколько-нибудь для этого подходящее. Вероятнее всего, что этот перстень он продал в 1921 году.

Александр Розенбойм мне рассказывал, что он некогда в 1960-е гг. вместе с Виктором Корченковым из каких-то краеведческих сообщений навещал одного старейшего и «авторитетнейшего» антиквара Одессы, который жил в доме Папудова. Фамилию этого антиквара он не запомнил. Но помнит, что тот пережил «окаянные дни», остался в Одессе и прожил в этом доме всю свою жизнь. Именно он с большой вероятностью мог приобрести «перстень Русудан» у Федора Богрова и перепродать его деду Сергея Тертерова – Саркису Тертерову (Тертеряну). Последний, со своей стороны, охотно приобрел перстень со старинной кавказской монетой – по словам Сергея, Тертеровы весьма трепетно и с пиететом относились к своему древнейшему родовому кавказскому происхождению. Вся эта ситуация более чем правдоподобна – все три ее участника жили тогда почти по соседству – Ф. Богров на Елизаветинской, 23, антиквар – в доме Папудова на Соборной площади, а Саркис Тертеров – в доме Либмана, с другой стороны этой же площади. Все они могли быть хорошо знакомы и общаться. Именно так Тертеров мог узнать у Богрова, что перстень некогда принадлежал его знаменитому деду.

Саркис Тертеров был родом из зажиточной армянской семьи, проживавшей в Тбилиси и переехавшей в Одессу. У него была дочь Тамара Саркисовна, мать Сергея, и трое сыновей. Один из них, Арташес Саркисович (Артур Сергеевич) Тертерян, дядя Сергея Тертерова, уехал в Москву, где впоследствии стал довольно известным человеком – замредактора «Литературной газеты» в 1970-х – начале 1980-х гг.

«Атмосферу в ней (газете. – А. Д.), по моим наблюдениям, во многом определял Артур Сергеевич Тертерян, куратор отделов

внутренней жизни, юмора и нашего – историко-литературного, – пишет Алла Латынина – Он был наделен замечательным чувством юмора, и его реплики и остроты часто пересказывались на больших и малых редакционных посиделках... Когда в 1983 году умер Тертерян, долго проболев перед этим, я почувствовала себя осиротевшей*.

Судя во всему, Артур Сергеевич был всеобщим любимцем. Более всего его ценили за искусство осторожно и элегантно-казуистически прикрывать идеологически проштрафившихся писателей и крайне минимизировать любые неприятности и санкции, исходившие от высокого партийного руководства. А также был в дружбе или на короткой ноге едва ли не со всеми «золотыми перьями» Литературки того времени.

Об этом мне рассказывала Лариса со слов своего покойного мужа. Сергей в середине 1960-х гг. учился в Москве и жил несколько лет у своего дяди Артура в Переделкино – эпицентре литературного бомонда страны. Именно дядя унаследовал перстень своего отца Саркиса и рассказал своему племяннику, что он некогда принадлежал писателю Богрову. Этот старинный перстень дядя бережно хранил.

Сергей вспоминал, что Булат Окуджава очень интересовался этим перстнем и как будто был не прочь его приобрести. Это естественно – сам будучи грузинско-армянского происхождения, Булат Шалвович должен был очень высоко ценить такие вещи. Но дядя не хотел его отдавать, желал сохранить в семье. Зато давал ему поносить. И Окуджава этим охотно и часто пользовался.

А перстень дядя Артур подарил своему племяннику Сергею, который снова увез его в Одессу. Здесь Сергей женился на Ларисе, а после его смерти перстень оказался у нее. И она мне его подарила. Наверное, для того чтобы попытаться вместе разобраться во всей этой запутанной, но крайне увлекательной истории. Насколько это удалось – судить читателю.

Разумеется, если бы монета Русудан в нашем перстне могла бы сама рассказать всю свою историю, как, в чьих руках и при каких обстоятельствах она побывала, то, видимо, это могло бы оказаться куда более занимательным повествованием. Однако

* Латынина А. Как дышалось в «Литгазете». – Новый мир, 2008, № 4.

даже те часто неопределенные и туманные сведения, которые можно извлечь из ее «биографии», позволяют нам прикоснуться к таинственным и драматическим событиям – к истории распада и гибели Великой Грузии в XIII веке, быту и нравам черты оседлости на Украине, в Польше и Белоруссии, к бесконечным войнам России на Кавказе в XIX веке. Это же элитные историко-литературные, искусствоведческие круги Петербурга XIX века. Это и знаменитые московские писательские круги 70-80-х гг. прошлого столетия. Особенно приятно, что это повествование позволяет прикоснуться к нескольким страничкам истории Одессы – города, которому Григорий Исаакович Богров по прихоти судьбы оказался обязан единственным изданием полного собрания своих произведений.

А этим литературно-нумизматическим опытом хотелось бы попытаться вернуть Богрова в плеяду самых блестящих и талантливейших писателей, прозу которого по уровню художественного дарования можно смело поставить в один ряд с В.Г. Короленко, Ф.М. Достоевским, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Шолом-Алейхемом, с лучшими произведениями русской литературы XIX века.

Автор этих строк не одинок, наверное, в своем суждении. На первой странице экземпляра «Записок еврея» (СПб, 1874), имеется запись: *«Хотелось бы, чтобы эта книга осталась в семье для наследственного чтения из рода в род»*. Рубенчиков, Гравеских, Айзенштейн, 1919/5.31, сделанная, как можно видеть, спустя почти полвека после издания.

